

«УТВЕРЖДАЮ»
директор ФГБУН «Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук»
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры истории философии
Института философии и права НГУ
М. Н. Вольф
« ____ » _____ 2018 г.

ОТЗЫВ
ведущей организации на диссертационную работу
Черепанова Игоря Владимировича
«Квантово-информационная специфика бытия сознания»,
представленную на соискание ученой степени
доктора философских наук по специальности
09.00.01 – онтология и теория познания (философские науки)

Диссертационное исследование И.В. Черепанова посвящено классической философской проблематике, — объяснению природы сознания в материальном мире. Современный общенаучный и философский категориальный аппарат включает в себя понятия, заимствованные из квантовой механики и кибернетики. Поскольку квантовая механика является наиболее фундаментальным разделом физики и установлено, что мозг является естественной вычислительной машиной, — закономерно, что нередко предпринимаются философские попытки использовать эти знания для разрешения психофизической проблемы, для построения новых модификаций физикализма. Кроме того, специфические теоретико-познавательные свойства наблюдения квантовых объектов располагают к онтологическим интерпретациям места наблюдателя как формы сознания в физическом мире. Мы имеем дело как раз с подобной попыткой онтологической интерпретации в виде предложения собственной нередуктивной концепции сознания, включающей в себя ответы на вопросы о природе бессознательного, свободы воли, единства сознания и тождества личности.

Следует сразу обратить внимание, что автору удалось избежать крайне распространенной для данной тематики философской спекуляции, для которой характерна претензия на объяснение феноменальной специфики сознания исходя из свойств квантового мира. В искомой работе автор, напротив, объясняет свойствами квантового мира бессознательное. Более того, он отрицает точку зрения, что природа бессознательного содержания имеет ту же самую природу, что и содержание сознательное или рефлексивное. Это очень важный философский тезис, оправдывающий весь смысл исследования.

Диссертационное исследование включает введение, четыре главы по четыре параграфа, заключение и список из 322 наименований литературы. Общий объем работы составляет 315 с.

В первой главе описываются основные ментальные свойства как специфические феноменологические сущности, которые нельзя постулировать в качестве тождественных физическим свойствам. Автор настаивает на ложность философских концепций тождества свойств, бихевиоризма, элиминативизма, функционализма, а также сильного искусственного интеллекта. Критикуется квалитативизм интерналистского типа а также различные формы репрезентационализма. Так же диссертант выступает проponentом квалитативизма экстерналистского типа, в соответствии с которым феноменальное содержание сознания считается производным от репрезентирующей системы, а интенциональное единство сознания определяется репрезентируемым объектом.

Во второй главе автор самоопределяется относительно существующих концептуальных форм решения психофизической проблемы, как классических, так и современных,

очевидным образом высказывая свои симпатии нередуктивному материализму. Анализируются способы решения психофизической проблемы без нарушения принципа каузальной замкнутости физического мира. Критике подвергается редуктивный материализм, который автор разделяет на сильный и слабый тип. Диссертант выделяет две формы дуализма свойств – первичный и вторичный. Автор утверждает, что нередуктивный материализм в форме вторичного дуализма свойств, не согласуется с каузалистической предпосылкой и нарушает полноту физического знания; нередуктивный материализм в форме первичного дуализма свойств согласуется с феноменалистической и каузалистической предпосылками исследования, сохраняя уникальную феноменологию сознания и не нарушая принцип каузальной замкнутости физического мира.

Третья глава посвящена собственно заявленному предмету исследования и представляет особенный интерес. Автор предлагает собственные интерпретации понятий информации и энергии, вводятся категории экзофеноменального и эндофеноменального бытия, показывается логическая совместимость первичного дуализма свойств коррелятивно-го типа с «атрибутивистской теорией информации», критикуется функционалистская теория информации. Так же автор вводит понятия диссоциативного и ассоциативного доступ наблюдателя к наблюдаемому существу, разделяются типы наблюдателей. На основании выделяемых типов наблюдателей предлагается объяснение ряд квантовых парадоксов (например, парадокс кота Шредингера и парадокс друзей Вигнера), а также специфические особенности сознательного и бессознательного психического. Анализируется копенгагенская и эвереттовская интерпретации квантовой механики по отношению к вопросу об онтологическом статусе наблюдателя. Анализируется проблема единства сознания в многомировой интерпретации.

В четвертой главе описываются параметры и функции сознания, не реализуемые на бессознательном уровне бытия, а также выстраивается квантово-информационная теория свободы, которая не противоречит принципу каузальной замкнутости физического мира.

По степени полноты охваченного материала работа, очевидно, соответствует заявленной специальности «онтология и теория познания». Помимо самоопределения относительно древних философских проблем автор берет на себя смелость делать онтологические допущения и выдвигать собственные гипотезы и интерпретации. На С. 147-148 автор пишет: *«Но если далее мы рассмотрим и сам мозг наблюдателя в качестве физической системы, взаимодействующей с измерительным прибором, то опять-таки никакого коллапса волновой функции не наблюдается, а теперь уже три физические системы – измеряемый объект, измерительный прибор и мозг наблюдателя – переходят в квантово-запутанное состояние. Таким образом, получается, что именно присутствие нефизического сознания наблюдающего субъекта разрушает суперпозицию состояний и выделяет одно конкретное значение, которому до акта осознанного наблюдения приписывается какая-то вероятность»*. Далее на С.148 автор обнаруживает не менее смелое метафизическое следствие, хотя и не разделяет его: *«Значит, до возникновения наблюдающего сознания Вселенная в целом представляла собой единый квантовый объект, элементы которого пребывали в запутанном состоянии. И лишь на определенном этапе биологической эволюции, когда материальные системы достигли высокого уровня структурной и функциональной организации и тем самым породили феномен сознания, впервые произошел коллапс волновой функции Вселенной, в результате чего ее элементы распутались и возникли события классического типа»*. Подобные попытки глубокой онтологизации теоретико-познавательных свойств наблюдателя и наблюдения, проявляющихся в квантово-механических экспериментах, вызывает уважение в том смысле что действительно является проявлением философского мышления.

Также в качестве примера можно привести нетривиальную авторскую интерпретацию бессознательного, носящую явно антипсихологический характер. В работе утверждается, что анализ психического бытия с позиций квантовой онтологии в рамках информационной модели сознания показывает, что бессознательная психика существует в возмож-

ности как суперпозиция психических переживаний, тогда как сознательная психика существует в действительности как реализованное ментальное состояние из множества суперпонируемых состояний бессознательного порядка.

Плодотворный и содержательный характер носит авторская конкретизация оптической аналогии сознания на С. 240, согласно которой сознанию можно приписать такие «ментальные параметры», как интенсивность, фокусировка и сила. Любопытно, что эта вполне плодотворная конкретизация не вполне согласуется с общим настроением работы, поскольку автором часто декларируется, что ментальные свойства не являются физическими с теоретико-познавательной точки зрения.

При обсуждении многомировой интерпретации автор закономерно выходит на серьезный вопрос тождества личности или единства сознания в делящихся возможных мирах: «Отсюда возникает закономерный вопрос: обладают ли сознанием все эти физические дубли или же сознание присуще лишь тем из них, которые принадлежат какой-то одной траектории пролиферирующего мира в многомировом пространстве Эверетта?» (с.157)

На С.250 автор предлагает неожиданное объяснение факта, почему несовместимых психологических теорий, лежащих в основе психотерапевтических практик, позволяют добиться сопоставимого результата. Оказывается, «каждой из них соответствует онтологическая возможность, упакованная в суперпозиции бессознательного опыта». Впрочем, возможно, что автор слишком высокого мнения о теоретико-познавательном статусе прикладных психологических теорий бессознательного и причина одинаковой эффективности различной психотерапии иная.

Автор демонстрирует значительную способность к самостоятельным тонким distinctions. Разделение дуализма свойств на первичный и вторичный носит обоснованный характер и обладает объяснительной силой.

Работа содержит любопытную версию антиатомизма со ссылками на Бома и Гейзенберга на С.152., согласно которой никаких кварков и лептонов как подлинных кирпичиков мироздания» не существует.

Сильное впечатление производят авторские модификации мысленного эксперимента «кот Шредингера» на С.155: «Однако при более внимательном рассмотрении мысленного эксперимента Шредингера возникает нетривиальная проблема, если мы вместо кота в смертоносный ящик поместим некоего отчаянного испытуемого, способного к осознанному самонаблюдению» и вывод, что физическое описание радиоактивного атома и подопытного кота со стороны внешнего наблюдателя в виде суперпозиции состояний не является результатом недостатка информации, а представляет собой онтологический факт.

Перейдем к описанию недостатков. На С.20 автор утверждает: «Поэтому для объяснения бытия сознания необходимо либо 1) свести ментальное (сознательное) бытие к физическому, элиминировав тем самым субъективную реальность, либо 2) постулировать нефизические законы, объясняющие трансформацию физического существа в нефизическое, нарушив тем самым полноту физического описания Вселенной, либо...» и т.п. Фактически автор перечисляет различные онтологии осознания, однако не понятно, откуда берется должествование в форме дизъюнкции из шести элементов?

На С.21 дается определение понятия ментального, как отличного от понятия психического: «не всякий психический феномен является ментальным благодаря существованию бессознательных психических переживаний». Бесспорно, автор волен определять термины как ему удобно, однако явных логических резонансов сужать понятие ментального в работе не обнаруживается. Отметим, что в философии сознания, психологии и психиатрии термин «ментальный» является ничем иным, как синонимом термина «психический». Особое значение прилагательное «ментальный» имеет разве что в оккультно-эзотерических учениях. Создание почвы для подобного рода аллюзий, вряд ли способно украсить работу.

Несмотря на общий материалистический и естественно-научный настрой работы, порой встречаются суждения, в которых явно опущены необходимые условные или эпистемические модальности, например: «Атрибутивной формой бытия материального существа является время. Материальное существо возникает, изменяется и разрушается, тогда как духовное (нематериальное) существо пребывает вне времени и само по себе не подвергается количественным и качественным трансформациям. Духовные сущности (например, Бог, Космический Разум или платоновские идеи) существуют вечно и поэтому не возникают и не уничтожаются» (С. 128).

С другой стороны, на С.77 можно встретить совершенно избыточную условную модальность: «*Онтологические концепции, признающие, что в предельной основе окружающего мира лежит только материальное начало, мы будем называть материалистическими, а те онтологические концепции, которые утверждают, что в предельной основе окружающего мира лежит духовное (нематериальное) начало, мы будем называть идеалистическими*». Дело в том, что они так и называются и предлагать нам это вряд ли уместно.

Способность автора поводить тонкие различия понятий нередко носит явно избыточный характер. Так, на С. 29 различается реальное, виртуальное, интеллигибельное и эйдетическое бытие существа. Смысл демонстрации техники метафизического мышления по умножению сущностей подобного рода не вполне понятен. В целом, следует обобщить, что стиль работы носит немонотонный характер. Третья глава написана достаточно ясным и выверенным языком, в остальных же главах наблюдается контаминированность конкретно-научного содержания схоластическими конструкциями в континентальном стиле гегелевской философии. Подобного рода гремучий коктейль из всяких «бытий» и «инобытий», «сущих» и «сущностей» и строгих физических понятий вряд ли способствует усвоению текста. В результате мы сталкиваемся с такими утверждениями, как: «*В соответствии с сильным редуктивным материализмом сознание сводится к процессам нейронного (физического) порядка по сущности и по бытию, т.е. присущие ему свойства тождественны свойствам физического существа и оно существует в модусе физического бытия*». (с.89-80). Не будет преувеличением сказать, что это самое оригинальное определение редуктивного материализма, с которым в принципе можно столкнуться.

Далеко не лучшим образом выглядит попытка различения информационных и экзистенциальных символов «в отношении характера взаимосвязи между репрезентируемым объектом и репрезентирующим содержанием психического акта», определяя их через туманные понятия «бытия» и «инобытия» (С.63). Особенно странно выглядит предложение, на С.64 «*экзистенциальные символы* устанавливают соответствие между репрезентируемым объектом и репрезентирующим содержанием при условии, что последнее является *бытием* первого (например, в индивидуальном опыте субъекта любовь может быть бытием ненависти, или, наоборот, ненависть может быть бытием любви, т.е. любовь может существовать в виде ненависти, а ненависть – в виде любви)». Утверждение любви как бытия ненависти, это, бесспорно, новая грамматическая форма престарелого романтико-диалектического дискурса. Судя по всему, автор использует слово «символ» не как понятие теории значения или теории информации, а скорее в некоем полумистическом семиотическом смысле: «Прежде всего, следует заметить, что символичность сознания необходимо отличать от символичности познания» (с.62). Что такое «символичность познания», впрочем как и «символичность сознания» остается неясным. Более того, не вполне понятно, зачем подобного рода семиотические упражнения вообще оказались нужны автору. Вероятно, для конструирования вот таких вот красивых, но бессмысленных суждений: «*Символическая природа познания указывает на бытийное неравенство репрезентирующего конструкта (эксплананса) и репрезентируемого явления (экспланандума) несмотря на то, что первое используется для объяснения второго и поэтому в логическом отношении признается ему тождественным, тогда как символическая природа сознания означает его собственную сущностную несамотождественность... т.е., переживая ненависть,*

он переживает любовь, и поэтому собственно то, что он переживает, ни логически, ни онтологически не является себе тождественным». (С.62). Впрочем, тезис о том, что символическая природа сознания означает его собственную сущностную несамотождественность звучит, бесспорно, могуче и вполне может быть развит молодыми постмодернистскими дарованиями в новую «Феноменологию духа».

Предложение на С.65: «Сознание – это экзистенциальный символ бессознательного, а бессознательное – это экзистенциальное содержание, символически зашифрованное в контенте сознания» звучит оригинально, однако остается не ясным как то, что существует реально, с точки зрения автора (т.е. сознание) при этом является символом, бытие которого, как известно условно? Судя по всему дело в том, что это символ экзистенциальный, а не простой, однако, подобного рода казуистика портит работу.

На С.105 автор изобретает страшную катахрезу, а именно «монодуализм», где с его слов, корень «моно» указывает на единственность первичной субстанции (единственность онтологического начала), а корень «дуал» – на наличие несовместимых качеств, которые присущи окружающему миру. По тексту становится ясно, что этот эпистемический монстр ему нужен, чтобы удобнее различать дуализм субстанциальный и дуализм свойств.

Интересно выглядит авторский принцип онтологической несепарабельности, «который сводится к тому, что материальное нефизическое сущее ни при каких условиях не может существовать в отрыве от физического сущего» (с.79). На С. 140 утверждается, что из принципа инвариантности и принципа онтологической несепарабельности вытекает принцип супервентности, согласно которому информационные данные коррелятивно связаны с физическими процессами в рамках единого материального (энергоинформационного) сущего. Очевидно, что это не так. Во-первых, исходя из определения автором несепарабельности это собственно и есть супервентность. Во-вторых, ни одно из определений принципа супервентности не имеет ничего общего с тем, что приведено.

Онтологизация на странице 129: «Будем называть нефизическую материальную сферу сущего *информационной*» звучит слишком сильно. На С.130 можно встретить следующее: «Информация образует вместе с энергией единое материальное целое, которое имеет энергоинформационную природу. Поэтому можно говорить об энергоинформационном принципе, который заключается в том, что всякая передача информации сопровождается передачей энергии, и всякая передача энергии сопровождается передачей информации». Если опустить вопрос об истинности общих суждений, применительно к случаям потерь информации за горизонтами событий, следует отметить, что лингвистическая конструкция «*энергоинформационный принцип*» явно не способствует хорошему впечатлению от работы, поскольку нагружена псевдонаучными ассоциациями.

Впрочем, излагая взгляды М. Менского, автор проявляет недюжинную смелость: «Если же разделение возможных миров исчезает, то все они становятся доступными человеку, и именно благодаря этому в его бытии могут проявиться сверхъестественные способности или психиатрические отклонения от нормального состояния сознания». (С.158)

В тексте много избыточных лингвистических конструкций, вроде «атрибутивных качеств», особенно когда на С.130 мы обнаруживаем «атрибутивное качество темпоральности», которое, как оказывается, объединяет в единое материальное целое две стороны материального бытия: физическую и информационную.

Диссертант склонен онтологизировать информацию: «Таким образом, информация противопоставляется энергии онтологически и феноменологически (т.е. по бытию и по сущности) как несводимый к ней элемент окружающего мира. По этому поводу Н. Винер очень метко замечает: «Информация – это не материя и не энергия, информация – это информация». (С. 132)

Несмотря на значительный объем замечаний, следует иметь в виду, что они являются следствием большого объема работы, судя по всему, — стремления продемонстри-

ровать технику философских рассуждений, что и привело к избыточности суждений и положений, напрямую не относящихся к сути работы, к фундаментальному взгляду на столь сложный предмет, в который успешно удалось погрузить диссертанту свой разум. Существует точка зрения, что в онтологии не возможен прогресс, что все новые точки зрения являются новыми формулировками прежних. Это заблуждение. Существуют научные факты, которые обладают значительным и неочевидным потенциалом их онтологической интерпретации. Мы имеем дело как раз с такой попыткой. Исследование действительно является достаточно редким в настоящее время примером работы по специальности «онтология и теория познания».

Таким образом, можно утверждать, что диссертация И.В. Черепанова является оригинальной, самостоятельно выполненной квалификационной работой, обладающей научной новизной. Работа ссылается на обширный эмпирический материал и философские концепции. Выводы носят характер, обоснованный в тексте диссертации. Диссертация представляет завершённое исследование. Заявленная диссертантом тема раскрыта, результаты исследования апробированы в достаточном количестве публикаций и выступлениях на научных конференциях различного уровня. Автореферат диссертации полностью отражает ее содержание. Тема и содержание работы соответствуют паспорту специальности 09.00.01 – онтология и теория познания (философские науки).

Диссертационное исследование Черепанова Игоря Владимировича «Квантово-информационная специфика бытия сознания» отвечает требованиям пунктов 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Правительством РФ от 24.09.2013 г. № 842. Автор диссертационного исследования Черепанов Игорь Владимирович заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания.

Отзыв подготовлен ведущим научным сотрудником ИФПР СО РАН, доктором философских наук, Д.В. Винником.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании отдела философии ИФПР СО РАН, протокол № 2 от «19» апреля 2018 г.

Ведущий научный сотрудник Института
философии и права СО РАН,
доктором философских наук
Д.В. Винник

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук»
630090, г. Новосибирск, улица Николаева, 8.
Тел.: +7 (383) 330-09-75
E-mail: priem@philosophy.nsc.ru

Директор ИФПР СО РАН, доктор филос. наук, доцент Марина Николаевна Вольф
Ведущий научный сотрудник ИФПР СО РАН, доктор филос. н. Дмитрий Владимирович Винник